

12+

Мирослава Кузнецова

Княгиня Ольга

Мирослава Кузнецова

Княгиня Ольга

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кузнецова М. В.

Княгиня Ольга / М. В. Кузнецова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Лариса - счастливая жена и мама, но наступившее время перемен враз разрушает жизнь не только её семьи, но и всей страны. Растерянность проходит быстро. Лариса в числе многих устремляется на работу на рынок, втайне мечтая, что завод, на котором они работали вместе с мужем, заработает вновь. Постоянные придирки свекрови не испортили отношений в молодой семье и раньше, не портят ничего и сейчас. Работа на рынке не только диктует свои законы, но и показывает, что наступила новая эпоха, и возврата к прошлому не будет. Приспосабливаться приходится всем без исключения, без этого просто не выжить. На рынке Лариса знакомится с большим количеством новых людей, среди которых - Ольга Еськова, прозванная ехидными торговками "княгиней". Такая же, как все? Нет, она другая. Несмотря ни на что, Ольга осталась благородной, культурной - настоящей аристократкой. Именно благодаря Ольге Лариса начинает понимать иначе жизнь. Жаль только, их знакомство оказалось очень недолгим...

© Кузнецова М. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Теперь уже и не вспомнить, кто и почему прозвал "княгиней" Ольгу Еськову. Плохо одетая и неухоженная, она в свои сорок лет выглядела на все пятьдесят. Её супруг, аккуратный и опрятный, был против Ольги красавец. Моложавый, подтянутый, он ещё пытался сохранить остатки презентабельности, хотя и было это нелегко. Работу он потерял больше года назад и с тех пор сидел дома почти безвылазно, надеясь на какой-нибудь счастливый случай. Но случай всё не приходил, и поэтому Ольга, затолкав подальше гордость, забыв о блестящем образовании и неожиданно прервавшейся карьере, пошла торговать на рынок. На дворе стояли девяностые...

"Торговать на рынок" – конечно, громко сказано, и это относилось не только к Ольге. Многие из нас враз оказались за бортом и, пережив первый период растерянности, ринулись зарабатывать хоть как-нибудь, в прямом смысле слова. На хлеб и детям на молоко. Позже появилось устойчивое выражение, касающееся заработка – "на хлеб и молоко".

Я долго не хотела идти на рынок, плакала и сопротивлялась жестокой действительности. Но необходимость кормить двух дошколят, которые росли, как на дрожжах, и требовали еду, одежду, обувь, витамины и прочее, вынудила-таки меня сдаться. Зарплату на электроприборостроительном заводе, где я трудилась инженером-технологом, не выплачивали уже полгода. К сожалению, мой муж работал здесь же, так что перспектив дождаться каких-либо денег у нас не было.

– Лара, зима надвигается, как ты будешь на улице стоять, на морозе? – восклицал мой заботливый супруг, – надо искать другой выход!

– Пока ты ищешь, я начну торговать, хоть что-то заработаю. Вадик, у нас уже почти нет никаких денежных запасов, тянуть больше некуда.

Я облюбовала стихийно созданный рынок недалеко от остановки и от нашего дома – там проходимость была как будто лучше, но дело было даже не в этом. Просто эта "точка" уже находилась под эгидой отделения милиции, где работал мой двоюродный брат. Он и привёл меня в длинные ряды коробок и самодельных столиков, чтобы познакомить со "старшей" рынка. Увидев моего покровителя, та встретила меня, как родную, предложив место рядом с собой, разумеется, одно из лучших, в самом начале торгового ряда. Не все торговки одобрили моё появление, но смириться им пришлось, так как, вливаясь в рыночный бизнес, соблюдать определённые правила и законы приходится, хочешь ты этого или нет.

"Смотрящая" рынка Катрина – в прошлой жизни разбитная рыжеволосая доярка Катька – переехала в город после смерти родителей, купив недорого однушку в нашем районе. Она жила одиноко, не имея ни семьи, ни детей, и почти всё время проводила на рынке. Одна из немногих, она радовалась рыночным отношениям, утверждая, что за рынком – будущее страны, это нормально, и кукситься по этому поводу не стоит. Она взмахивала толстой рукой, как бы посылая подальше печаль и тоску, и продолжала обучать меня торговому делу. Я с тоской слушала Катрину, и с тоской же изучала законы рынка, правила торговли, сертификаты и всё то, чего знать мне совсем не хотелось. Катрина оказалась хорошим педагогом, и вскоре моя новая работа перестала вызывать у меня хотя бы отвращение. Да и деньги, пусть небольшие, радовали стабильностью и утешали в особо тяжёлые моменты.

Катрина первой из нас расширила свой ассортимент – помимо сигарет, жевательных резинок и дешёвых турецких сладостей, у неё появились напитки, консервы, рыба и прочая снедь. Позже она начала приносить водку, которую кто-то изготавливал на дому. Спиртное

продавали осторожно, боясь милиции. Иногда происходили облавы и конфискация товара. Впрочем, с представителями власти всегда можно было договориться. У них тоже были семьи.

Тогда я и увидела впервые Ольгу Еськову, узнала её прозвище и, не знаю почему, эта женщина запала мне в душу. Таких, как она, было множество, но мой взгляд почему-то неизменно устремлялся к ней. Невысокая, худенькая, она была всегда ужасно одета – старая выцветшая китайская куртка, серенький беретик или платочек на голове, очки с толстыми линзами, которые делали её глаза совсем маленькими. И никакой косметики, она не красила даже губ. На рынке у неё не было столика, она ходила, как коробейники в старину, с семечками и жареными орешками. Сигареты у неё имелись самые дешёвые, которые покупали местные выпивохи да подростки поштучно. Выручка от такой торговли была мизерная, но Ольга, пересчитывая монеты, радовалась и устремлялась к продуктовому ларьку неподалёку, покупая самые дешёвые макароны, хлеб, подсолнечное масло. Много потратить она не могла – требовалось пополнять запасы семечек, орешков и сигарет.

Иногда Ольга приносила в холщовой сумке какую-нибудь посуду, школьные принадлежности, книги, салфетки или другие вещи и неловко держала это в руках, одновременно продавая свой главный товар. Наши торговки, заметив это, громко шипели:

– Гляди-ка, княгиня опять имущество распродаёт. Скоро себя продаст, лишь бы тунеядца Глебушку кормить.

– И не говори, уже, наверное, всё в доме продала, что только можно!

Тогда же я узнала, куда делись одежда и украшения Ольги.

– Вы, девочки, не знаете Ольгу, – понизив голос, рассказывала нам с Катриной Ирка, третья наша "компаньонка" – больше никого к нам поближе не подпускала Катрина, – это она сейчас чудо в перьях! А какая баба была – модница, красавица, не то, что сейчас.

С удивлением я узнавала, что все свои вещи и украшения Ольга продала или выменяла на продукты, оставив себе самое необходимое, а сейчас распродаёт излишки "роскоши" – вещи из дома. Иногда соседки просят что-нибудь продать и им, и "княгиня" охотно берётся за подработку – хоть немного, а ей тоже перепадает за услугу. Мне стало жаль Ольгу – она одна пыталась прокормить свою семью – Глебушку, которого я уже видела несколько раз, когда он заходил к нам на рынок, и пятнадцатилетнюю дочку Кристину. Девочке часто хотелось сладенького, и мама, прищурясь, отсчитывала часть денег на дешёвые вафельки или конфеты сомнительного качества, которые тогда из бедности покупали мы все. Товар подороже предназначался "элитным" покупателям – тем, кому повезло получать хоть какую-то зарплату да пенсионерам, если им вовремя выдавали пенсию. Тогда оживлялись наши оба торговых ряда:

– Рыбка свежая, пиво, печенье, – приговаривали одни.

– Сигареты, конфеты, шоколад, – нараспев тянули другие.

Покупатели ходили, посматривая на нас свысока – видимо, чувствовали себя важными персонами. Они придирчиво выбирали товар, дотошно рассматривая всё до мелочей, чем выводили из себя наших девчонок. Особенно злились они, если покупательницы, всё рассмотрев и расспросив, уходили, ничего не купив.

– Суки старые, – шипели вслед девчонки, – гримзы. Подешевле им подавай! Постояли бы на морозе сами по десять часов, узнали бы...

У кого-нибудь сдавали нервы, и немедленно откупоривалась самодельная бутылка водки, которой многие торговали из-под полы. На рынке вообще пили много, а теперь, когда началась зима – а она в наши широты приходила уже в ноябре, выпивать стали чуть не каждый день. Крепкие напитки я не переносила, и мне стоило труда отказываться от неизменных приглаше-

ний товарок угоститься с ними и доказывать, что я вовсе не брезгаю, а просто не пью, потому что потом очень болею.

– Отстаньте от Ларки! – рявкнула однажды Катрина, – не пьёт человек, и правильно делает!

– Ты-то пьёшь сама! – донеслось визгливое со второго ряда.

– Ну и? – нахмурилась Катрина, неторопливо разворачивая своё тело назад, – дальше что?

– А то! Любишь поучать всех, командуешь тут. Мы все равны здесь, все платим за место, вот и нечего...

Такие скандалы случались периодически между торговками, но всё обычно заканчивалось мирно и обязательно с бутылочкой, а то и с двумя. И неизменно – объятия, поцелуи, а, иногда и слёзы. Доброта начинала зашкаливать, и даже Ольге немного перепадало.

– Ольга, в поездку деньги набираю, вот, остатки, возмёшь по закупочной? – спрашивал кто-нибудь у нашей княгини.

– В долг можно? – лепетала Ольга, не веря своему счастью, – до вторника всё верну!

Водка делала своё дело, и будущий "оптовик" щедрой рукой отпускал в долг Ольге продукты, и она, счастливая, торопилась домой, заглянув предварительно в продуктовый ларёчек.

– Ну, побежала княгиня, мужу праздничный ужин готовить, – цедил кто-нибудь вслед Ольге, впрочем, беззлобно, а кто-то другой замечал, что это нормально – мол, у "таких" тоже должны быть иногда праздники.

Праздники, настоящие, а не придуманные, радовали рынок – торговля шла тогда хорошо. Сигареты и спиртное разлетались "на ура", мы не могли нарадоваться удаче и стояли за прилавками почти до ночи. Приходя домой, я падала от усталости, не в силах раздеться, согреться в горячей ванне и хоть немного заняться детьми, которые не ложились без меня и всегда ждали, чего же на этот раз передал им маленький зайчик. Вадик чувствовал себя виноватым, что до сих пор не вышел хоть на какую-нибудь работу. Вакансии появлялись, он встречался с работодателем, но, узнав, что зарплату задерживают на несколько месяцев, разочарованно возвращался домой. Смысла в такой работе не было.

– Пойду грузчиком, – грустно заявил мне муж, – мама с детьми сидеть будет, обещала. Завтра приедет, поговорим и всё обсудим. Расчёт каждый день, пока начну работать хоть так.

Я недоверчиво посмотрела на мужа. Он и грузчик – понятия несовместимые. Вадик ниже среднего роста, худой и абсолютно неспортивный, в отличие от меня. Я много лет увлекалась туризмом. Мы прокладывали маршруты по лесам, вдоль рек, взбирались на высоты и спускались на плотках вниз по реке. Урал не так широк, но с холодной водой и быстрым течением. Купались мы до поздней осени. Я обожала наши походы с тяжеленным рюкзаком за плечами, ночёвки в палатках, костры и песни под гитару до утра. Руководителем у нас был молодой аспирант, который оказался неравнодушен ко мне, студентке-третьекурснице. Я долго ничего не замечала, а на последнем курсе в мою жизнь ворвался Вадим. Искра, пробежавшая между нами, превратила взаимный интерес в нечто большее, и вскоре все узнали, что у нас с Вадимом бурный любовный роман. Мы друг без друга не могли прожить и дня, и было нам абсолютно всё равно, что говорят о нас люди, включая и мать Вадима. Будущая свекровь невзлюбила меня с первой встречи. Ей не нравилось абсолютно всё, начиная с моего роста – я была чуть выше Вадима, крепкая, ловкая, и, разумеется, мои увлечения туризмом требовалось прекратить немедленно. Моя вторая мама боялась, что её Вадик попадёт под каблук жены, та будет руководить всем, а он не переживёт такого позора.

– Вдруг пить начнёт, – вытирала свекровь платочком абсолютно сухие глаза.

Когда я забеременела, счастливый Вадик поспешил обрадовать маму, и та сделала всё, чтобы отложить сватовство на более поздний срок. В результате на свадебных фотографиях я выглядела ужасно, а мой живот, в котором уже давно толкался ребёнок, не удалось скрыть никаким пышным платьем. Но я любила Вадима и терпела все выходки свекрови, не желая огорчать мужа, да и он пылинки с меня сдувал, смотрел с обожанием и вообще ухаживал за мной так, что свекровь часто плакала, жалуясь родственникам – её милый, добрый Вадик переменялся, охладел к родной матери, и всё из-за Ларисы.

– А что ты хотела? – утешала её родная сестра, с радостью выслушивая бесконечные жалобы, – ночная кукушка дневную всегда перекукует! Это закон. Смириться надо.

Много всего было у нас с Вадиком в начале семейной жизни, в том числе "конфликт отцов и детей", но наша любовь всё преодолела. Бедный молодой муж разрывался меж двух огней и однажды прямо заявил:

– Мама, я без Лары жить не смогу, понимаешь ты это? У нас сын, скоро второй родится. Лара лучшая жена в мире, и никогда я не взгляну в сторону другой женщины!

Мама выслушала сына с каменным лицом, а потом заявила, что её Вадика приворожили, а затем детьми привязали, и ноги её не будет в этом доме. Ноги её не было целых три дня, в течение которых Вадим звонил маме много раз и пытался просить прощения, правда, непонятно за что.

– Как ты думаешь, мама не будет против такой моей работы? – осторожно спросил меня муж, прекрасно зная ответ.

– Конечно, будет, – уверенно ответила я, – и скажет, что это я заставляю тебя идти на такую позорную работу. Тяжести таскать!

– Лара, сарказм сейчас неуместен – буркнул Вадим, исподлобья взглянув на меня. Естественно, я ерничала, потому что сама уже давно таскала тяжеленный товар. Особенно трудно было в поездках на оптовые базы в другие города. Бочонки с селёдкой, упаковки банок пива, коробки с консервами и другие тяжести мы носили сами и укладывали их в автобус. Да и в дороге было немало опасностей, любой бизнес, даже самый мелкий, таков.

– Ларочка, ты приходи завтра, пожалуйста, часикам к трём, погреться и чаю выпить, – заискивающе смотрел мне в глаза муж, – как раз с мамой поговорю. Ты всегда сумеешь найти нужный аргумент!

Я посмотрела на Вадима. Он был готовым подкаблучником – таким его воспитала собственная мама, пожалевшая в итоге о содеянном, но вот такого мужа я не хотела и часто шокировала его, особенно в начале семейной жизни, заявлениями:

– Как скажешь, милый... А как ты думаешь?... Как ты захочешь...

Конечно, главное слово оставалось за мной, но вот Вадим был уверен, что это он принимает решения и вообще, командует в семье. Свекровь чувствовала какой-то подвох, но понять, в чём дело, никак не могла.

– Лариса, как ты могла! Вадик что, холоп какой, чтобы грузчиком наниматься? Если вам мало, что я даю внукам на одежду, то вот, берите! Последнее отдаю! – свекровь выпотрошила свой кошелек на обеденный стол, а я, залпом выпив чай, приготовленный заранее заботливым мужем, побежала снова на рынок, посмеиваясь над Вадимом, которому сейчас придётся туго!

– Что за мужики пошли! – усмехнулась Катрина, когда я немного поделилась семейными проблемами, – Ларка, и как только вы уживаетесь? Ты терпишь столько, и пашешь, как лошадь.

– Я вот выгнала своего тунеядца, когда по-чёрному забухал, – встряла Ирка, – нам с дочкой вдвоём лучше. У тебя хороший мужик, не слушай, Лар, никого. Найдёт работу, а мешки таскать всегда успеет!

– Свекровь нам деньги даёт, – ответила я, кряхтя, так как переключивала коробки с консервами, – с детьми сидит. Я не ругаюсь с ней никогда.

– И как тебе это удаётся? – недоумеваю, Ирка повернулась ко мне, – это же змеюшки такие, что мама не горюй!

– Предоставляю мужу право общения с мамой и принятия решений по итогам, – засмеялась я, в душе жалея Вадима, которому, я знала, сейчас было очень несладко.

"Княгиня" Ольга, стоявшая неподалёку, неожиданно приблизилась к моему столику и сказала:

– Вот это правильно. Лариса, ты молодец. Такая ещё молодая, а уже столько мудрости.

– Так и с неё бы пример брала, – хохотнула Ирка, успевшая сбегать во второй ряд и угоститься рюмочкой коньяку, – чего ж Глебушку своего на работу не гонишь? Сидит на твоей шее!

Такие фразы Ольга слышала постоянно и поэтому не смутилась и сейчас:

– Он ищет работу, уже твёрдо пообещали, завтра пойдёт узнавать. Он по специальности хочет. Не зря же учился...

Все, кто слышали слова Ольги, затарахтели разом, обвиняя Глебушку в тунеядстве и отсутствии совести, а её саму в глупости. Но "княгиня" молчала, и споры быстро прекратились. Да и Катрина, пропустив очередные сто грамм, рявкнула:

– Тише, вы, все! Не ваше дело, в конце концов. Не орите, сейчас народ пойдёт, на заводе смена закончилась, покупателей распугаете!

С этим было не поспорить, и девчонки заняли свои места, а несколько мужиков, прибившиеся к рынку и торговавшие вместе с нами, гордо поглядывали по сторонам.

С работой у Вадика ничего не получалось. Он предпринял ещё одну попытку пристроиться "хоть куда-нибудь", но его мама заявила:

– Ещё этого не хватало, чтобы Вадим батрачил и унижался! Да его отец в гробу перевернётся, если наш единственный сын опустится до такого! Нет, нет и ещё раз нет!

Справедливости ради, скажу, что свекровь давала Вадика деньги – на бензин, сигареты, на всякие мелочи. Помогала продуктами, сидела с детьми и намекала, что у внуков только одна бабушка, а почему? Это был камень в огород моих родителей, которые не помогали мне сидеть с детьми, но обрабатывали дачу и выращивали картошку, в том числе и для нас. Папа всё ещё работал, мама получала пенсию и разводила на даче кур. Мои родители помогали нам тоже немало, но виделись мы редко – отношения между сватами не заладились с самого начала. Вадик не нравился моим родителям, а я была, по мнению свекрови, не той женой, что нужна её сыну. Вот так мы и жили, и даже наступившие всеобщие трудности нисколько не сблизили наших старших родственников.

Услышав несколько раз, что покойный отец Вадима перевернётся в гробу, если сын пойдёт на тяжёлую работу, я поняла – пахать в нашей семье можно только мне. У меня пока переворачиваться некому, дай Бог всем здоровья и долгих лет жизни. С Вадимом неприятный разговор всё же состоялся, когда я пришла с рынка уставшая и до мозга костей промёрзшая. Дети уснули, не дождавись маму... Вадим приготовил ужин и подждал меня на кухне:

– Устала? Садись, поешь. Я тебя ждал.

– Спал бы с мальчиками, – раздражаясь, ответила я злым шёпотом, – ты же устаёшь очень.
– Лара, зачем ты так? – ответил Вадим, – я ищу, узнаю, если ты о работе сейчас.

Я молчала, так как спорить просто не было сил. С мужем мы почти не ругались не только потому, что хорошо понимали друг друга. Мы старались держать себя в руках, потому что наш старший сын в минуты сильного волнения или испуга начинал заикаться, и победить эту болячку пока не получалось. Свекровь узнала адрес какой-то бабушки, умевшей "отливать испуг", и собиралась сводить к ней детей. Я не возражала – вреда не будет, но и вряд ли поможет, так как заикание было следствием родовой травмы. Мои первые роды были тяжёлыми, и все врачи в один голос твердили, что мы очень легко отделались.

– Ванну приготовить? – спросил Вадим, – и стол я сам уберу, а ты отдыхай.

Я прилегла к детям на диван, закрыла глаза и поняла, что никакие силы в мире не заставят меня встать, принять ванну и лечь в супружескую постель, до которой было полшага – наша кровать стояла вплотную к дивану детей под прямым углом. Расположить как-то иначе спальные места не представлялось возможным в нашей крошечной однушке. Со временем Вадим надеялся уговорить свою маму поменяться жильём – свекровь обитала в просторной двухкомнатной квартире, в хорошем районе с очень развитой инфраструктурой. Но на все предложения сына следовал чёткий ответ:

– А вы о чём думали, когда одного за другим рожали? Ладно Лариса, у неё свои, далеко идущие цели. Но ты, сынок, как мог? Ты о чём думал?

– Ну не убивать же было ребёнка! – возмутился Вадим, а затем битый час выслушивал мамину лекцию на эту тему. Понятно, кто был во всём "виноват": чтобы посильнее привязать к себе мужа, я родила подряд двух сыновей.

– Ладно, – этот разговор всегда заканчивался одним и тем же маминым словом, – ты, сынок, не переживай. Я же всё понимаю – вы молодые, одним побыть хочется. Детей заберу на выходные, а про переезд решим к осени. Костику на подготовку как раз ходить надо будет, пусть привыкает к одной школе. Хотя, мне будет очень тяжело, не скрою – всё здесь слишком напоминает твоего отца, и я привыкла к этому месту. Надеюсь, переживу...

Свекровь закрывала глаза рукой, а иногда даже плакала, если получалось. Вадим, ободрённый её решением, бросался утешать и успокаивать маму, подносил корвалол или травяной чай.

– В конце лета переезд намечается, – похвалилась я на рынке, – уже точно. Костику на подготовку нужно, и садик рядом, для Вовочки.

– Здорово, отличная новость, – порадовалась Ирка. Катрина немного помолчала и спросила:

– А с рынком как же? Далековато оттуда товар на себе ишачить. Даже на тележках!

– Придумаю что-нибудь, – беспечно махнула я рукой, – у нас машина есть. Если что, на ней можно.

На рынке всё шло своим чередом. Катрина готовилась в очередную поездку за товаром, а мы с Иркой пока воздерживались – не набрали нужную сумму денег.

– Давайте, девчонки, я вам привезу что-нибудь, из необходимого, – сказала Катрина, – мне на дорогу добавьте только, и у вас товар новый будет!

Предложение Катрины было более чем кстати, и мы очень обрадовались. Катрина ездила за товаром чаще других, покупки делала безошибочно и по количеству, и по качеству. Я так не умела, наверное, рынок – всё-таки не моё.

Заслышав гул самолёта в небе, я поднимала голову и шёпотом спрашивала – ну неужели вам не нужен ремонт, ведь вы тоже ломаетесь? На заводе, где я работала, новых изделий почти не выпускалось и раньше, но вот ремонт шёл постоянно. Несколько комплектов электроприборов для транспортных самолётов "делали" нам зарплату на несколько месяцев, и я постоянно молила Бога, чтобы завод заработал вновь. Я очень хотела туда вернуться и знала, что об этом мечтают практически все заводчане. А ещё все надеялись, что рано или поздно нам выплатят долги по зарплате. Эх, сколько можно сделать на эти деньги! В суровую действительность меня вернул вопрос Катрины:

– Надумала, что тебе привезти? Смотри, у тебя всё печенье разобрали!

– Дома ещё есть, – отозвалась я, – девчонки, посмотрите за товаром? Сбегаю домой, времени ещё много.

Дождаясь лифта на первом этаже, я услышала голоса – разговаривали моя свекровь и наша соседка. Они спускались пешком, каждая со своими внуками. Я уже хотела окликнуть детей, но меня остановили слова:

– Ох, не знаю, не знаю. Не доведёт этот рынок до добра! Лариса такая холодная стала, неприступная. Вадик сам не свой, я же вижу. По своему мужнину делу добивается, а она с детьми спит, на него внимания совсем не обращает. Может, на рынке у неё кто появился...

Вовремя подъехавший лифт избавил меня от нежелательной встречи. Дома я увидела пирожки и, как удав, проглотила парочку, почти не жуя. Вкуснятина, мама Вадима кулинарка изумительная, этого не отнять! Я допила остатки чая из детских бокалов, сложила упаковки печенья в большую сумку и снова присела за стол в тревожной задумчивости. Слова свекрови привели меня в смятение – Вадим не добивался меня по своему "мужнину делу" уже... второй месяц. Второй, и это при его темпераменте! У нас никогда не было проблем в интимных отношениях: никаких претензий или недовольства с его стороны, и никакой головной боли – с моей. Вадим всегда радовался, что у него темпераментная жена, как и он сам. В этом вопросе мы удивительно подходили друг другу.

Выходит, это он завёл себе кого-нибудь? У меня-то не было никого не только на рынке, но даже в мыслях я ни разу не подумала о другом мужчине. Мне это было просто не нужно. Слезы подступили близко-близко, в носу защипало, а в душу вползла глухая тоска. Мысль о том, что мой Вадик положил на кого-то глаз, или даже завёл отношения на стороне, оказалась убийственной. Я была абсолютно не готова к такому повороту событий.

Щёлкнул дверной замок, и на пороге возник удивлённый Вадим:

– Лара, ты дома? Не ожидал, не ожидал, но, если честно, очень рад.

Вадим присел рядом и посмотрел на меня внимательно. Я старательно отводила взгляд, не желая выказывать своё недовольство неверному (не дай Бог!) мужу.

– Ларик, я очень соскучился, очень...мама не скоро придёт с мальчишками, – Вадим обнял меня и стал целовать, одновременно расстёгивая пуговицы и развязывая шнурки на моих кофтах – как все торговки с рынка, я была одета, как луковица.

– Я тоже соскучилась, Вадик, – я изо всех сил обнимала мужа, с удовольствием ощущая его страстное желание и убеждаясь в абсурдности своих подозрений. Вадик и я любим друг друга, и всегда будем любить. И у нас всегда всё будет хорошо!

Моя уверенность придала мне сил, а в семье, и правда, всё было хорошо. Вадик перебивался случайными заработками при помощи нашей выдавшей виды машины. Сегодня был выходной, но он рано утром куда-то умчался, а я хлопотала по дому, готовилась к рынку и не поняла, какие это дела у моего мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.